

Сразу хочу сказать, что в названии этого текста нет никакой подколки. Потому что фильм Машкова «Сирота казанская» понравился мне, как давно уже ничего не нравилось. О чем я тут же и сказал Машкову, представившему картину в Доме кино. И сказал еще до фуршета, так что в честности моей читатель может не сомневаться.

Надеюсь, под Новый год эту картину увидит самый широкий зритель. Потому что от великого множества сусальных поделок, главных песен о старом и бесконечно повторяемых древних фильмов эта вещь отличается именно что новой интонацией. История, выдуманная Олегом Антоновым и поставленная Владимиром Машковым, совсем не так проста, как хочет казаться.

— Володя, ты сказал на премьере, что не волнуешься.

— И не соврал.

— Это из-за успеха первого показа — в Сергеевом Посаде?

— Мы действительно свозили фильм в Сергеев Посад, потому что там снимали и обещали первыми пригласить на просмотр местных жителей. Потому что там очень хорошие жители. Но дело не в успехе — я чувствую за своей спиной такую группу, с которой почти невозможно провалиться. Это надо уж очень стараться. Я забот не знал с этими профессионалами. От оператора до администратора — все отличные люди. А что касается актеров — тут мое дело было просто не мешать.

— Интересно, как ты справлялся с Табаковым? Он же руководит театром, в котором ты играешь, и в свое время даже выгонял тебя из студии...

— Он святочный в смысле хеппиэнда, немножко такого сказочного и как бы подтрунивающего над собой. Но вообще — действительно, это скорее печальная картина. Это фильм о драме всякого мужчины, о драме мужского одиночества вообще — а оно в той или иной мере неизбежно, через это каждый проходит. У нас и герои так подобраны, что на одиночество обречены: фокусник с его бродячей жизнью, моряк с его вечными плаваниями, несостоявшийся космонавт-подполковник... У них быва-

— То есть до какого-то момента идет сюжет, а потом начинается концерт...

— Сюжет не исчезает, он просто перепрыгивает в другое качество. Я, кстати, и не скрывал сюжета «Сироты казанской», он проникнул в публикации, в интервью — потому что интерес не в нем. Вот встретились три кандидата на роль отца, все, собственно, уже произошло, — а куда дальше? Что может между ними быть? Будет зрелище. Они начинают соревноваться, показывать, кто во что горазд. Это действительно такой концерт. Только в «Смертельном номере» в пустом цирке спорили духи, призраки — они пытались выяснить, кто главней. И все они вместе составляли одного героя, которого мы не видели. А здесь спорят, в общем, те же персонажи, только более конкретные: есть свой Белый — это Гафт. Свой Черный — Дуров. Свой Рыжий, самый победительный и энергичный, — Табаков (хотя он в финале так сыграл поражение, что его, по моему, жалче всех). Все они вместе, наверное, создают... ну не то чтобы меня, а просто обобщенно-

го мужчину. Каждый из нас бывает по очереди Гафтом, Табаковым и Дуровым. И всем нужна эта женщина, которая по ходу фильма выглядит то дочерью, то женой, то матерью. Женщина вообще. Лена умеет все это.

— На прощание хочу не спросить, а пожелать: люди, считающие только самый поверхностный слой этой не особенно простой картины, доморожденные наши эстеты с массой комплексов и вечным снисходительным пристебом, будут писать и уже пишут всякие иронические экзерсисы на тему «народного кино». Очень тебя прошу не обращать внимания на такие вещи, потому что от народного кино в его жлобском понимании у тебя ничего нет. А то я уж боялся...

— Спасибо на добром слове. Андрей Сергеевич Кончаловский мне пожелал вообще не обращать внимания на критику. И посоветовал утешаться фразой Годара: «Если хороший фильм понравился публике, значит, она его не поняла». Я люблю и Годара, и Кончаловского, но не совсем согласен. Мы, когда снимали, не думали о наро-

дном кино. То есть нам хотелось, чтобы фильм понравился. Но народное кино — не значит фальшивое. А угрождать зрителю, перекормливать его сахаром и одновременно издеваться — вот, мол, какие мы умные, всем угодили, — это не народное кино, а... ладно.

Секс-символ и потухшие свечи

Еще раз поздравляя Машкова, я хочу несколько слов добавить к сказанному. Он снял действительно непростую картину, которая при всей своей чисто материальной дешевизне и почти водевильной умильности таит множество обманов, подколок и профессиональных секретов. Для дебюта это вообще редкий уровень. Говорю это вовсе не потому, что жажду присоединиться к хору хвалителей Машкова. Больше всего я опасался увидеть что-нибудь в жанре «добрые сытые». Но в фильме Машкова, первых, нет снисходительности к зрителю — это главное. А во-вторых, совсем нет идиллии. Машков все время подчеркивает: это сон, игра, гротеск, экзерсис, — но экзерсис на очень серьезную и мучительную тему. Коль скоро его уж провозгласили секс-символом и сердцеедом, он честно отрабатывает тяготящее его звание и снимает картину об издержках плейбойства, о неизбежном крахе мужичества и непобедимой жалости его. Если исследовать тип, то до конца.

Это легкое кино, но не плоское. Думаю, что некоторый автопортрет фильма, жанровое самоопределение его является зрительно в сцене с тортом. Вносится огромный торт, обсаженный свечами. На торте — сахарный домик. А потом — резкий отъезд камеры, и вот мы с почти запретельной высоты видим тот самый домик, в котором все и происходит. Уже не потухшими свечами окруженный, а елками. И не на торте он стоит, а на заснеженной ночной земле. Машков снял фильм в жанре торта. Драма на торте. Он не случайно подчеркивает слоеность этого кулинарного чуда, камера долго лобкуется коржами и кремовой прослойкой, — пусть каждый выедает свой слой. Замечательный критик Сергей Землянухин даже углядел в этом домике, снятом из поднебесья, отсылку к финальному кадру «Соляриса». Очень может быть, цитат у Машкова вообще хватает, но все они припорошены снежком, чтобы не торчало и не бросалось в глаза. Разумеется, авторы не скрывают, что преподносят зрителю именно праздничный торт с кремовой завязкой и конфетным финалом. Пряничный домик. Иллюзорный выход. На самом деле все происходит в ночном лесу. И за историей, рассказанной Антоновым, Машковым и пятью классными актерами, стоит подлинная, неотменимая тоска по чувству дома, уюта, надежности, по абажуру, по незапному и очень русскому ощущению нашей всеобщей связи... Это все тонкие вещи. О них надо говорить умеючи, чтобы не соскользнуть в сплошной крем. И Машкову это удалось — главным образом потому, что кроме изобретательности и энергетичности, у него наличествует еще и вкус.

Вот этот вкус и есть главная составляющая его успеха, главная гарантия, что никакие похвалы и никакая ругань Машкову не повредят. Он нащупал новую интонацию для разговора со зрителем — интонацию ироническую, легкую, но ни в коем случае не умильную и не заигрывающую. Наша всеобщая несчастьность и непобедимый кураж вопреки ей (было бы ради кого) — вот его темы, звучавшие и в «Звездном часе...», и в «Смертельном номере», и в «Трехгрошовой опере», которая, кстати, так врезала всем нашим богатеньким. «Вы любите ли торты?» — спросили раз ханжу. «Люблю», ответил он, — я соль в нем нахожу».

Это обычная новогодняя трагикомедия, к которой вовсе не обязательно подходить с серьезными и фундаментальными претензиями. Было бы чувство жизни, вкус ее, — сюжеты и приемы приложатся. Но за последние лет пять это первый фильм, после которого действительно хочется жить.

А это не последнее дело, господа.

Дмитрий БЫКОВ.

Драма на торте Владимира Машкова

— Вообще я на площадке диктатор. Причем абсолютный. Режиссура — тоталитарная профессия, Табаков это знает лучше меня. Можешь себе представить ощущения человека, который в первой своей картине снимает Табакова, Гафта и Дурова. Но здесь, мне кажется, они сами себе поставили задачу — по максимуму отличаться от своих привычных типажей. Гафт, обычно такой желчный и временами зловеющий, здесь скорее элегичен и мягок. Табаков поначалу просто неузнаваем, он опять показал, каким может быть разным, — даже голос октавой ниже, получил такой уверенный, крутой мореман с седым хвостом... Очень трагический Дуров, ни разу не полетевший космонавт, вечный дублер. В общем, никто не эксплуатировал имиджа.

Физически не могу жить один

— У тебя снималась Елена Шевченко, мать твоей дочери Маши...

— Да, вон Машка ходит — видишь, какая вымахала?!

— Тебе не трудно работать с женщиной, которая тебе, скажем так, не чужая?

— Не трудно, потому что я знаю ее магнетизм, ее истинные возможности. Так получилось, что ее лучшие картины — например, «Черное и белое» Фрумина — видели немногие. А мне повезло — я знаю, на что Лена Шевченко действительно способна. Это благодаря ей у роли появляется объем, второй план, — она всю жизнь этой сироты казанской умудрилась сыграть уже в первом диалоге. Что касается наших отношений... я так устроен, что ко всем своим женщинам испытываю прежде всего благодарность. Меня такого терпеть — очень не сахар. У всех нормальных людей температура тридцать шесть и шесть, а я себя чувствую на тридцать семь и два.

— И Фоменко, по-моему, тоже...

— И Фоменко, он недаром гонщик. Я считаю, что, несмотря на все свои успехи — и музыкальные, и шоуменские, — он прежде всего актер, большой, настоящий. Это и «Трехгрошовая» доказала, где у него труднейшая роль Пичема, и вот этот тракторист Коля, которого он сыграл в «Сироте казанской». Он очень деликатно ее провел, почти не комикуя. Комикивание погубило бы все.

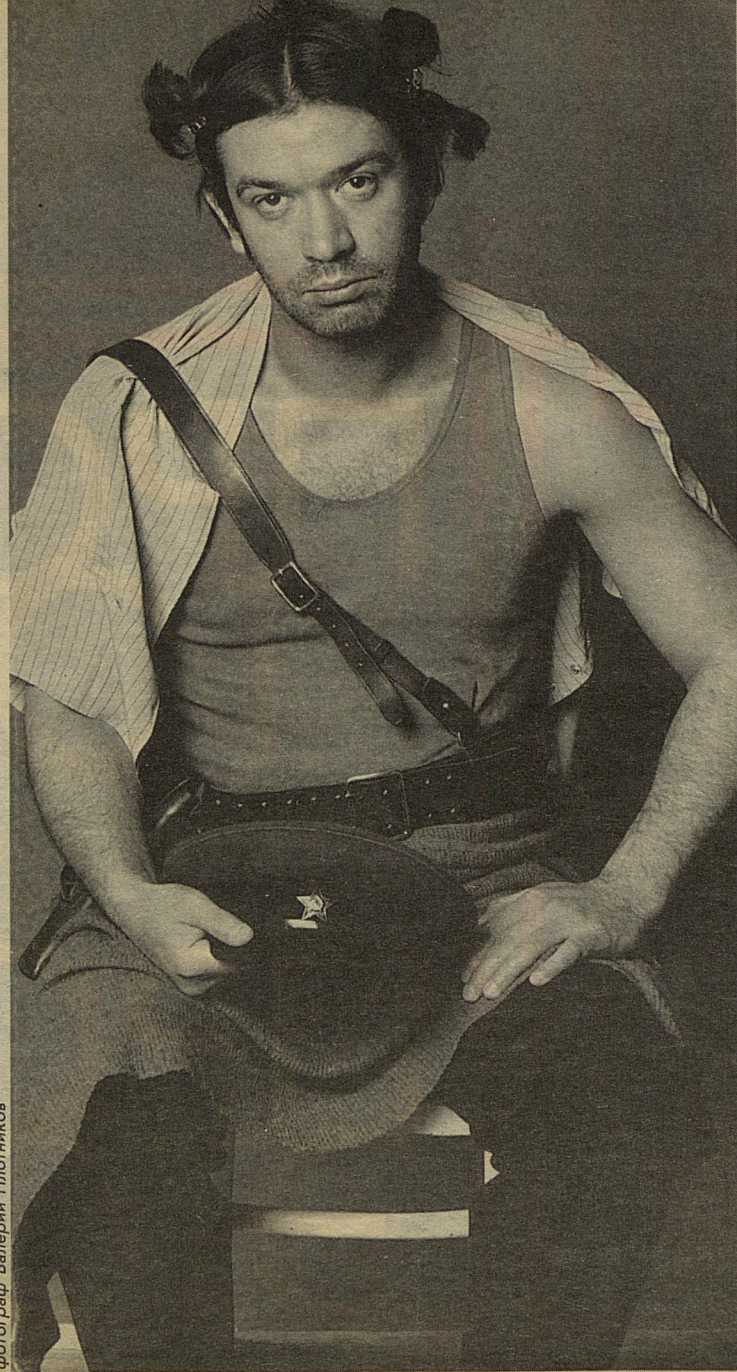
— Мне вообще показалось, что это совсем не такая веселая история, не святочный рассказ...

ют только случайные, мимолетные, курортные романы. Любовь без будущего. Большая часть жизни они проводят одни или с временными спутницами. Потом профессия их довольно быстро вышвыривает, они изношены, никому не нужны... Так что это фильм о мужиках, которые цепляются за любой шанс, лишь бы знать, что от них кто-то остался. Там ведь они все уверены, что героиня — их дочь. И это им нужно вовсе не ради выгод каких-то, не ради дома, не ради самолета, а просто чтобы знать, что жизнь была не напрасна. Потому что мысль об ее напрасности посещает любого нормального человека, сколько бы он ни сделал, ни написал там, ни сыграл... Она напрасна, если нет существа, которому ты необходим. Которое гладит рубашки, а может и не гладит рубашки, может просто где-то жить... Мужчина так устроен, что все время самоосуществляется. Чаще всего — в профессии, иногда — в романах... И только очень редко, в самые черные свои минуты, он понимает, что без вот этого горящего окна, без этого якоря, этой связи с кем-то — он совершенное ничто и вся жизнь его ушла в никуда. Я поэтому физически не могу жить один. И вовсе не из-за того, что нуждаюсь в комфорте. А что эти довольно печальные вещи по-новому весело упакованы и увенчаны веселым финалом (открытым, кстати) — ну, хотелось сделать праздник. Нормальные дела.

Перекармливать сахаром и одновременно издеваться

— Мне показалось, что этот фильм — в некотором смысле киноверсия «Смертельного номера» (это спектакль Машкова по пьесе Олега Антонова, сценариста «Сироты казанской», — постановка, принесшая ему три года назад режиссерскую славу. — Д.Б.).

— Тебе правильно показалось в том смысле, что все мои постановки так или иначе обо мне, только я в них делюсь на нескольких других персонажей, которые и начинают по очереди показывать, на что способны.

фотограф Валерий Плотников

Mashkov Vladimir

1997